

УДК 821.511.132-1

DOI: 10.23951/1609-624X-2017-7-140-143

ПОЭТИКА И. А. КУРАТОВА: К ВОПРОСУ ПОЛИСУБЪЕКТНОСТИ ЛИРИКИ ПОЭТА

Л. Е. Сурнина

Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, Сыктывкар

Рассматривается лирика коми поэта И. А. Куратова сквозь призму ее субъектного строя. В ходе анализа установлено, что лирическая система поэта содержит разные субъектные формы: собственно автор, лирический герой, автор-повествователь, ролевой герой. Освоение И. Куратовым разнообразных форм выражения авторского сознания связано с расширением тематики и персонажного состава коми литературы. Однако полисубъектность характерна и отдельным произведениям поэта, в которых создается поэтическое многоголосие и расширяются функции прямой речи. Изучение поэтических произведений коми поэта сквозь призму их субъектного строя позволяет выявить не только имманентные особенности лирики И. Куратова, но и специфику формирования композиционно-речевых форм в коми поэзии, представить место и роль И. Куратова в развитии субъектной сферы и в целом поэтической системы коми лирики 1850–1870-х гг.

Ключевые слова: коми поэзия XIX века, И. А. Куратов, субъектный строй, многосубъектность.

Иван Алексеевич Куратов – коми поэт XIX века. Сегодня можно считать общепризнанным мнение об особом феномене его лирики, которая явилась началом и одновременно художественной вершиной как коми, так и других национальных, прежде всего финно-угорских, литератур России. Свое развитие поэзия И. Куратова получает в период, когда в России оставался всеобщим крестьянский вопрос: от его разрешения зависела историческая жизнь нации, дальнейшая ее судьба [1]. Проблемы переустройства жизни волновали все активно действующие силы. Во второй половине XIX в. меняется и литературная жизнь, особенностью которой явилась демократизация художественного сознания. В качестве господствующего направления в литературе утверждается реализм, а действующим лицом в художественных произведениях становится народ [2]. Что касается лирического стихотворения, то оно уже не удовлетворяется средствами лирики и все чаще избирает в качестве своего предмета «эпический сюжет». Традиционная песня вытесняется историей, рассказом о человеке из народа и рассказом человека из народа [1]. Литература XIX в. начинает изображать народ не как социальную группу и безликую массу, народ начинает изображаться в отдельных личностях. Этому процессу была созвучна и лирика коми поэта XIX в. И. А. Куратова. Он обращается к образцам стихотворений о героях из народа, которые принадлежат очень известным и популярным в тот период поэтам: И. С. Никитину, А. В. Кольцову, Н. А. Некрасову, чья лирика осознается как новое слово о человеке. В то же время И. Куратов не копирует сюжеты и поэтику произведений известных поэтов, так же как и не прибегает к их прямому переводу, а ведет с ними своеобразный диалог (подробнее

смотри об этом [3]). Герои коми поэта репрезентируют не только и не столько крестьянскую среду, сколько духовные ценности, психологию и ментальность конкретного народа. Опираясь на достижения русской демократической лирики, И. Куратов создает оригинальные характеры коми крестьян. Анализ стихотворений народной тематики позволил установить: авторская оценка героя из народа выражается поэтом как в открытых, так и в косвенных формах, но всегда интенсивно, раскрывая собственное отношение и собственную сопричастность к народу. Следовательно, в стихотворениях возникает образ поэта, который относится к тому же национальному коллективу, что и его герои.

При сопоставлении стихотворений народной тематики, принадлежащих И. А. Куратову и его немногочисленным предшественникам, обнаруживается новаторство первого в области субъектного строя коми лирики. Из поэтических произведений, созданных в докуратовский период, современная наука располагает лишь отдельными текстами. Это напоминающие народные лирические песни стихотворные опыты П. Ф. Клочкова, фольклорное собрание В. А. Куратова «Бёрданквьяс верёс сайё ныв сетём дырйи» (Причитания невесты при выдаче ее замуж), стихотворные произведения Г. С. Лыткина и П. В. Распутина, близкие к народным причитаниям или произведениям церковных жанров. В воссоздании сознания человека из народа эти поэты опираются преимущественно на заимствованные из фольклора и уже разработанные в отечественной словесности жанровые формы с характерной для них односубъектностью. Лирическая система И. А. Куратова является многосубъектной, ориентированной на образцы реалистической русской и мировой лирики, уже освоившей к тому времени

полисубъектные формы. Так, в отечественной реалистической литературе второй половины XIX в. голос автора утрачивает свою внешне выраженную авторитетность, и литературное произведение тяготеет к многоголосию [4]. Освоение И. Куратовым разнообразных субъектных форм связано с расширением тематического содержания и персонажного состава коми литературы. Самая распространенная в коми лирике середины XIX в. тема любви деревенских парня и девушки занимает заметное место и в поэтических произведениях И. Куратова, но вместе с ней получают развитие и такие темы, как «Предназначение поэта и поэзии», «Будущее родного языка», «Жизнь и смерть», «Нравственные ценности коми крестьянина» и др. Анализ поэтического материала позволил выявить безусловную связь выбора форм выражения авторского сознания с содержательно-семантическим аспектом произведений. Так, произведения, в которых лирическое обобщение разрастается до философского, чаще всего организуются такой формой авторского сознания, как «собственно автор» (терминология по Б. О. Корману). Размышления И. Куратова о назначении и судьбе человека, кратковременности его существования, стремление понять и объяснить общественное или даже природное явление объединяют большинство стихотворений поэта, написанных в основном уже после 1867 г. (в 1865 г. И. Куратов покидает родной Усть-Сысольск (ныне – Сыктывкар) и отправляется в Казань для учебы в школе полковых аудиторов). Тексты, раскрывающие творческое кредо поэта, созданы лирическим героем, полным стремления принести пользу народу своим творчеством. Уже в произведении «*Виль сыланкыв*» (Новая песня), которое было написано в 1860 г., поэт подчеркивает, что его поэзия будет неотделима от судеб народа. В таких произведениях, как «*Коми кыв*» (Коми язык, 1857), «*Виль сыланкыв*» (Новая песня, 1860. Вологда), «*Сылан менам, сылан*» (Песня моя, песня, 1860), «*Менам муза*» (Моя муза, 1866 [1867]), «*Поэт*» (1867), И. Куратов размышляет о предназначении поэта и поэзии в обществе, осмысливая вопрос: какова судьба родного языка и будущее коми поэзии.

Героями значительной части стихотворений И. Куратова являются простые деревенские жители. Предпочтение поэт дает изображению молодых людей и стариков. Запечатленные в таких произведениях человеческие типы и ситуации конкретны и в то же время аллегоричны, так как содержат актуальный для автора мотив продолжения жизни в детях и делах [5]. Этот тематический цикл имеет субъектами высказывания героя «ролевой» лирики и автора-повествователя. В стихотворениях «ролевой» лирики поэт не прибегает к прямым оценкам

своих героев, он не описывает их и не характеризует. Суть характеров становится понятной из разворачивающихся событий, рассказываемых самим героем или героями. Таким образом, становится важным сам процесс и особенности «рассказывания», в котором и открывается читателю герой, его представления о себе, о своем месте в людском мире. «Ролевая» лирика – это особая субъектная форма, в которой автор преднамеренно отступает на второй план, предоставляя герою возможность самораскрыться. Стихотворения приобретают форму слова, сказанного вслух. Поэтому выбор ролевой субъектной формы отражается на композиции и языковом материале произведений: они строятся в виде эмоционального, близкого к устной разговорной речи монолога. Но если в стихотворениях «ролевой» лирики важным становится сам герой, то в произведениях повествовательной формы поэт ставит иную задачу, главная среди которых – это сформировать представления о народной этике и погруженности сельчанина в традиционный образ жизни.

Однако многосубъектна не только лирическая система И. Куратова в целом: множественность сознаний присутствует в отдельных стихотворениях поэта. Полисубъектность обнаруживается на уровне отдельного произведения, прежде всего использующего поэтическое многоголосие (смотри, например, «Тима, конечно же, стар» и «Деревенская девушка городскому барину»). Субъектная множественность в пределах одного стихотворения с повествовательной формой высказывания создается и с помощью использования прямой речи (например, «Старуха»). В лирике коми поэта есть и такие произведения, в которых одни фрагменты текста написаны от имени одного лица (героя «ролевой» лирики или автора-повествователя), другие – одновременно разных субъектов. Так, стихотворение «*Пӧрысь олӧм*» (Жизнь старика, 1870) начинается с рассказа о старом человеке. Дальше слово предоставляется герою, который предстает несчастным одиноким человеком, пережившим всех своих родных. Для того чтобы как-то скрасить свое одиночество, в восемьдесят лет решается жениться второй раз на такой же дряхлой старухе, как он. Полисубъектность стихотворения образуется не только за счет слов автора-повествователя и героя, многосубъектность просматривается и внутри их прямой речи. Так, уже в начале текста в слово повествователя вторгается сознание старика: «*Пӧрысь сетас сӧмын мелӧджыкы шысӧ*» [6] (Старик заговорит лишь с тем, кто *поприветней*) (здесь и далее подстрочный перевод стихотворения И. Куратова наш. – Л. С.). «*Мелӧджык*» (морт) – это ощущение и точка зрения героя, который вступает в диалог лишь с радушным и участливым собеседником, каким и является, на его взгляд, проходящий мимо

него человек – автор-повествователь стихотворения. Субъектная множественность есть и в монологе старика, которая создается с помощью использования поэтического многоголосия. Кроме сознания старика, которому принадлежит основной лирический монолог, открываются другие («чужие») сознания. Например, его речь скрывает в себе реплики, принадлежащие его односельчанам, которые принимают активное участие в жизни одинокого старика: «*Архиерей пö вичко дорын – / Нудöдсны менö*» [6] (Архиерей, говорят, возле церкви – отвели меня). В некоторые моменты старик, перевоплощаясь в других героев стихотворения, говорит за них, и его речь окрашивается их интонациями. Монолог старика превращается в диалог с использованием прямой речи: «*Сійö вöлис том и небьдика / Шус: “Этша сёрмин, тиö”*» [6] (Он (архиерей. – Л. С.) был молод, ласково сказал мне: «Сыне, поздно»). Архиерей изображается в стихотворении не только в качестве слушателя, но в особенностях своей речевой манеры. В какие-то моменты слово героя представляет собой диалог с молодым архиереем: «*Ас кодьтö корсь йöзысь, шуад, – / Сійö йöз, оз ло пыр дінын*» [6] (Говорите, найди себе пару среди людей, – но они мне чужие), «*Вердны колö, шуад, ассö – / Дасьтöм, мыйкö уджавлі нин*» [6] (Говорите, чем кормить ее я буду – найдется, накопил за свою жизнь), в котором ощущается ирония последнего над стариком. В монологе героя звучат и интонации старухи. Например, во фразе: «*Меным колö пöрысь пöчö, / Коді ме моз дзугыль, öтка*» [6] (Мне нужна дряхлая старуха,

которая, как и я, печальна, одинока), слова «дзугыль» и «öтка» могут принадлежать ей, так же понимающей свое безрадостное одиночество старости. Следующая фраза, включаясь в общий поток речи старика, тоже может принадлежать героине: «*Пыр жö асьнымöс ми тöдам, / Видзöдлывам ас кодь вылö*» [6] (Непременно мы узнаем друг друга). Таким образом, переживание героем своего одиночества передается не только через сюжет стихотворения, но через его субъектный строй. Герой в полном одиночестве, он ни с кем не поддерживает отношений, последнее общение для него – архиерей, старуха и еще несколько человек из сельского общества. А происходящие события почти двадцатилетней давности отражаются только в сознании героя: «*Мне было всего восемьдесят, когда запретил мне поп жениться...*». Такая полисубъектность стихотворений И. Куратова связана с задачами воплощения образа народа как множества разных личностей и образа автора, в разных ситуациях сохраняющего связь с родным народом.

Таким образом, произведения И. Куратова обнаруживают включенность коми поэта в общее движение отечественной поэзии по обновлению персонального состава лирики, которое повлекло за собой значительное расширение субъектных форм. В то же время исследование субъектного строя позволяет уточнить представления И. Куратова о родном народе, собственную этнокультурную самоидентификацию поэта и способы ее выражения в поэтическом тексте.

Список литературы

1. Скатов Н. Н. Николай Алексеевич Некрасов // История русской литературы XIX века (вторая половина). М.: Просвещение, 1991. С. 148–190.
2. Соколова В. Ф. Этносоциологические исследования 60-х гг. XIX в. и перелом изображения народа в русской литературе // Соколова В. Ф. Народосознание и русская литература XIX в. М.: ЛИБРОКОМ, 2009. С. 159–195.
3. Сурнина Л. Е. Поэтическое содержание стихотворения И. А. Куратова «Голь зон» (Парень-бедняк) в ракурсе субъектного анализа // Вестник Челябинского гос. ун-та. 2010. Вып. 46, № 22 (203). С. 120–125.
4. Корман Б. О. Проблемы личности в реалистической литературе // Корман Б. О. Избранные труды. Теория литературы. Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2006. С. 337–362.
5. Лимерова В. А. Куратов Иван Алексеевич // Литература Коми: словарь школьника. Сыктывкар: Седьмая печать, 2007. С. 131–141.
6. Куратов И. А. Пöрысь олöм (Жизнь старика) // И. А. Куратов «Менам муза» (Моя муза): собрание художественных собраний. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1979. С. 151–152.

Сурнина Лидия Егоровна, научный сотрудник сектора литературоведения, ФГБУН Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН (ул. Коммунистическая, д. 26, Сыктывкар, Республика Коми, Россия, 167982). E-mail: surninalida@mail.ru

Материал поступил в редакцию 06.10.2016.

DOI: 10.23951/1609-624X-2017-7-140-143

I. A. KURATOV'S POETICS: TO THE QUESTION OF POLYSUBJECTIVITY OF THE POET'S LYRICS

L. E. Surnina

Institute of Language, Literature and History of Komi Science Center of the Ural Division of Russian Academy of Sciences, Syktyvkar, Russian Federation

The article presents the results of I. A. Kuratov's lyrics analysis through the prism of its subject structure. The analysis found that the lyric poet is multy subject system containing various subjective forms of the author's consciousness expressions: the actual author, lyrical hero, the author-narrator, the hero «role» of the lyrics. Kuratov's lyrical system is oriented towards the samples of realistic Russian and world lyricism, which has already mastered polysubject forms by the 19th century. Development by the poet of different forms of expression of author's consciousness is connected with extension of the thematic contents of poetry. An analysis of poetic material made it possible to reveal the unconditional connection between the choice of the forms of expression of the author's consciousness and the semantic aspect of Kuratov's works. However polysubjectivity is characteristic of certain verses by Kuratov, which creates a poetic polyphony, and expand the functions of direct speech. Studying poetic works of Komi poet through the prism of their subjective system makes it possible to reveal not only the immanent features of Kuratov's lyricism, but also to present the place and role of I. Kuratov in the development of the subject sphere and the poetic system of the lyrics of komi of the 1850s-1870s.

Key words: *Komi poetry of the 19th century, I. A. Kuratov, subject organization, multisubjectivity.*

References

1. Skatov N. N. Nikolay Alekseevich Nekrasov [Nikolay Alekseevich Nekrasov]. *Istoriya russkoy literatury XIX v. (vtoraya polovina) – History of the Russian literature of the 19th century (second half)*. Moscow, Prosveshcheniye Publ., 1991. Pp. 148–190 (in Russian).
2. Sokolova V. F. Etnosotsiologicheskiye issledovaniya 60-kh gg. i perelom izobrazheniya naroda v russkoy literature [Ethnopsychological researches of the 60th of the 19th century and change of the image of the people in the Russian literature]. *Sokolova V. F. Narodosoznanie i russkaya literatura XIX v. – Narodosoznaniye and Russian literature of the 19th century*. Moscow, Knizhnyy dom «LIBROKOM» Publ., 2009. Pp. 159–195 (in Russian).
3. Surnina L. E. Poeticheskoye sodержaniye stikhotvoreniya I. A. Kuratova «Gol' zon» (Paren'-bednyak) v rakurse sub'ektnogo analiza [The poetic maintenance of I. A. Kuratov's poem «Poor Guy» in a foreshortening of the subject analyses]. *Vestnik Chel'abinskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of the Chelyabinsk state university*, 2010, issue 46, no. 22 (203). Pp. 120–125 (in Russian).
4. Korman B. O. Problemy lichnosti v realisticheskoy literature [Problems of the personality in realistic literature]. *Korman B. O. Izbrannyye trudy. Teoriya literatury* [Selected works. Theory of literature]. Izhevsk, Institut kompyuternykh issledovaniy Publ., 2006. Pp. 337–362 (in Russian).
5. Limerova V. A. Kuratov Ivan Alekseevich [Kuratov Ivan Alekseevich]. *Literatura Komi: slovar' shkol'nika – Literature of Komi: dictionary of the school student*. Syktyvkar, Sed'maya pechat' Publ., 2007. Pp. 131–141 (in Russian).
6. Kuratov I. A. Porys' olom (Zhizn' starika) [Old man's life]. *I. A. Kuratov. Menam muza – My muse*. Syktyvkar, Komi knizhnoye izdatel'stvo Publ., 1979. Pp. 151–152 (in Russian).

Surnina L. E., Institute of language, literature and history of Komi science center of the Ural division of Russian Academy of Sciences (ul. Kommunisticheskaya, 26, Syktyvkar, Komi Republic, Russian Federation, 167982). E-mail: surinalida@mail.ru